

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Л. Д. Широкоград

В. М. ШТЕЙН О ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Виктор Морицевич Штейн является выдающимся ученым, работавшим в 1910–1960-е годы в различных городах страны, но больше всего в С.-Петербурге. Он родился в 1890 г. на Украине, в г. Херсоне, в семье адвоката. В 1908 г. окончил гимназию с золотой медалью и поступил на экономический факультет С.-Петербургского Политехнического института. После его окончания был оставлен для приготовления к профессорскому званию в том же институте. В 1915 г. сдал экстерном экзамены за юридический факультет С.-Петербургского университета. С 1915 по 1917 г. работал секретарем журнала «Промышленность и торговля». С 1918 по 1920 г. преподавал в Киевском коммерческом институте, созданном М. И. Туган-Барановским (ныне Донецкий государственный институт народного хозяйства имени М. И. Туган-Барановского). С 1920 по 1921 г. – профессор и ректор Одесского института народного хозяйства. С 1921 по 1930 г. – доцент и профессор экономического факультета Петроградского (Ленинградского) Политехнического института. С 1924 по 1926 г. – главный ученый секретарь Института экономических исследований при Наркомфине СССР. С 1925 по 1935 г. – зав. конъюнктурным бюро Ленинградской областной плановой комиссии и зам. зав. сводно-планового бюро при Ленинградском Исполкоме Советов депутатов трудящихся. В 1930–1931 гг. – старший научный сотрудник Энергетического института АН СССР. С 1928 по 1935 г. – профессор Ленинградского восточного института. В 1935 г. – старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР. С 1937 г. – профессор и зав. кафедрой экономики и географии стран Востока Ленгосунiversитета. С 1942 г. – зав. кафедрой экономической географии ЛГУ. С 1946 г. – и. о. декана, а затем декан восточного факультета ЛГУ. В годы войны и в первые послевоенные годы читал курс истории политэкономии на экономическом факультете ЛГУ.

В 1920–1940-е годы в различных вузах страны В. М. Штейн преподавал учебные курсы политической экономии, истории политэкономии, статистики, денежного обращения, экономики промышленности, экономической политики, теории конъюнктуры, экономики Китая, экономики Индии, экономики Японии, экономической географии. Столь же разнообразной была и научная деятельность В. М. Штейна.

ШИРОКОГРАД

Леонид Дмитриевич

– заслуженный деятель науки РФ, д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории СПбГУ. В 1961 г. окончил экономический факультет ЛГУ. Кандидатскую диссертацию защитил в 1965, докторскую – в 1981 г. Сфера научных интересов – история экономической мысли, методологические проблемы экономической теории. Автор более 100 научных работ, в том числе трех монографий.

© Л. Д. Широкоград, 2005

В 1925 г. В. М. Штейн был командирован Наркомфином СССР в Монгольскую Народную Республику, а в 1927 г. по рекомендации Советского правительства работал финансовым советником Национального правительства Китая.

В 1949 г., когда фабриковалось «ленинградское дело», В. М. Штейн был уволен из Ленинградского университета и затем репрессирован. После реабилитации в середине 1950-х годов он до самой смерти в 1964 г. работал в Ленинградском отделении Института востоковедения.¹

* * *

Данная статья посвящена характеристике самого раннего этапа творческой деятельности В. М. Штейна, который приходится на период Первой мировой войны. В эти годы он принимает самое активное участие в обсуждении многочисленных острых вопросов организации и реорганизации денежного хозяйства страны в условиях все более углубляющегося экономического кризиса. Он окунается в самую гущу дискуссий по этим вопросам, проявив себя как первоклассный специалист. Уже в этих работах молодого В. М. Штейна явно проявился его огромный творческий потенциал как ученого-экономиста.

В 1912 г. 22-летний Виктор Штейн публикует рецензию на первое американское издание получившей широкую известность книги И. Фишера «Покупательная сила денег». Это была его первая скромная научная работа. Рецензия знакомит читателя с основными идеями книги одного из главных представителей количественной теории денег XX в. Рост влияния этой теории в начале XX в. В. Штейн объясняет тем, что она пыталась дать ответ на вопрос о причинах быстрого вздорожания жизни в указанный период. Этот вопрос оказался в центре внимания и автора «Покупательной силы денег».

Как известно, И. Фишер в книге доказывал, что изменение цен есть главный результат изменения количества денег. В. Штейн, однако, обращает внимание на то, что в соответствии с его концепцией эта относительно простая зависимость действует лишь в нормальных условиях. В «переходные» же периоды, которые И. Фишер называет «кредитными циклами», цены не только зависят от количества денег, но и сами воздействуют на это количество. Если же учесть, что «переходные периоды», по И. Фишеру, составляют правило, а периоды равновесия – исключение, то, заключает В. Штейн, «придется признать справедливость „количественной теории“ весьма относительной».² Попытка И. Фишера дать статистическое подтверждение количественной теории денег также представляется В. Штейну весьма сомнительной.³

В 1914 г. Касса взаимопомощи студентов Петроградского политехнического института издает пособие для студентов экономического отделения института «Вопросы денежного обращения». Непосредственно оно было предназначено для слушателей учебного курса «Денежное обращение», который читал в этом институте М. В. Бернацкий. Пособие представляло частично хрестоматию (сборник важнейших фрагментов из работ крупнейших специалистов по денежному обращению – К. Гельфериха, А. Вагнера, Хульзмана и др.), включавшую такие разделы, как «История и современное состояние металлического обращения», «Кредитные денежные суррогаты и бумажные деньги», «Эмиссионные банки», частично изложение новых течений в экономической литературе по вопросам денежного обращения (в частности, государственной теории денег Кнаппа, теории И. Фишера и др.). Самое общее руководство изданием осуществлял М. В. Бернацкий, но он не смог даже принять участия в его редактировании. Составление сборника было поручено окончившим экономическое отделение Политехнического института С. В. Бернштейн-Когану и В. М. Штейну. В своем предисловии, подписанном 15 июля 1914 г., М. В. Бернацкий отмечал: «Особенно тяжелый труд выпал на

долю В. М. Штейна, которому пришлось не столько переводить и редактировать, сколько излагать соответствующие сочинения, а иногда писать почти оригинальные статьи (например, о теории Ир. Фишера)». ⁴

В 1915–1917 гг. В. М. Штейн активно сотрудничал в журнале «Промышленность и торговля». Будучи специалистом по вопросам денежного обращения, он принимал участие в обсуждении прежде всего этих вопросов. Одним из важнейших источников финансирования военных расходов в годы Первой мировой войны в России, как и в других государствах–участниках этой войны, была эмиссия бумажных денег. Хотя в первый период войны правительство в целом стремилось не злоупотреблять использованием печатного станка для пополнения казны, все же насущные и неотложные потребности военного времени, удовлетворение которых вынуждено было обеспечивать государство, заставляли его неуклонно и достаточно быстро увеличивать количество денег в обращении. В середине 1915 г. Министерство финансов выработало законопроект об очередном увеличении свободного эмиссионного права Государственного банка (на 1,2 млрд руб.). Реализация этого проекта способствовала бы повышению верхней границы бумажно-денежного обращения до 5,4 млрд руб. (1,7 млрд руб. – золотой запас и 3,7 млрд руб. – свободное эмиссионное право) и понижению золотого покрытия до 30% всей суммы кредитных билетов. Министерству финансов было важно протащить этот законопроект через Государственную Думу и убедить общественность в необходимости и даже полезности дополнительной эмиссии бумажных денег. В этом направлении и стала действовать «высокоофициозная» пресса. ⁵

Точку зрения Министерства финансов поддерживали и некоторые крупные специалисты в области денежного обращения. ⁶ П. Гензель, например, отмечал, что сам по себе рост количества денег в обращении отнюдь не свидетельствует об их обесценении. Ведь во время войны растет не только предложение бумажных денег, но и спрос на них (в связи с исчезновением из оборота золотой монеты, увеличением кассовых средств в торгово-промышленном обороте вследствие очень значительного сокращения кредитных операций, резким увеличением спроса на наличные денежные средства со стороны армии, реализацией крупных внутренних займов, отменой винной монополии, выдачей казенных пайков семьям мобилизованных, и др.). «Сам по себе рост цен, поскольку он вызывается общими экономическими причинами (например, увеличением спроса и т. п.), а не является следствием расстроенной валюты, может вызывать потребность в большем, чем ранее, количестве денежных знаков». ⁷

Возражая П. Гензелю, В. Штейн отмечал, что рост спроса на товары (прежде всего со стороны государства) и, соответственно, на деньги, «при недостаточно быстром росте производства», – а подобная диспропорция является естественной в условиях военного времени – все же неизбежно приводит к расстройству валюты. Подчеркивая, что «в условиях военного времени государство занимает в экономической системе страны столь доминирующее положение, что ни один экономический феномен нельзя понять, не учитывая влияния на него экономической деятельности государства», и распространяя это общее положение на сферу денежного обращения, В. Штейн приходит к выводу о том, что «явления так называемой „дороговизны” нужно непосредственно свести к эмиссионной деятельности государства, как к первопричине». ⁸

Утверждая, что об обесценении рубля не могут свидетельствовать ни «безграничные» выпуски бумажных денег Государственным банком, ни резкое ухудшение наших вексельных курсов, ни рост цен, П. Гензель, в частности, писал: «Если дороговизна вызывается обесценением валюты, то все цены на каждый товар и на все предметы в отдельности должны повсеместно повиситься именно настолько, насколько обесценилась валюта.

Средняя (имеется в виду динамика среднего уровня цен. – Л. Ш.) тут ни при чем!»⁹ Поскольку же такого общего и притом равномерно повсеместного подорожания не наблюдалось, реально происходивший рост цен не мог свидетельствовать об обесценении валюты.

По мнению В. Штейна, «если бы утверждение проф. Гензеля было правильно, то дороговизна вообще никогда не могла бы явиться следствием обесценения денег», ибо, во-первых, «рост цен лишь с большой постепенностью распространяется с одних товаров на другие», во-вторых, «далеко не все цены могут одинаково чутко реагировать на повышение спроса». «Рост цен всегда происходит неровными скачками, и только по изменению среднего уровня цен можно судить о том, произошло ли обесценение денег».*

В своей статье В. Штейн оспаривает и утверждение П. Гензеля о том, что чрезмерное вздорожание иностранных векселей отнюдь не обозначает действительного падения внутренней ценности рубля. Он раскрывает механизм связи между процессами обесценения валюты на иностранных рынках и внутри страны и приходит к выводу о том, что «вздорожание иностранной валюты, без соответствующего обесценения рубля, возможно лишь в весьма тесных пределах».¹¹

О том же писали и другие экономисты. Например, Ф. Меньков полагал, что внутреннее обесценение рубля «главным образом обуславливается обесценением рубля за границей, ибо само по себе давление излишне выпущенного количества бумажек сказывается на ценах внутри страны довольно медленно, к нему более чувствительна заграница, и оно сначала отражается на вексельных курсах, а через них уже передается внутрь страны... продолжительное и сравнительно значительное обесценение бумажного рубля за границей неизбежно влечет за собою обесценение его внутри страны... Собственно говоря, непосредственной причиной падения ценности и ассигнаций, и прежних кредитных билетов было не столько их изобилие... сколько обесценение их за границей, обусловленное неблагоприятными для нас международными расчетами и опасениями бумажно-денежной инфляции».¹²

Обесценение валюты, таким образом, непосредственно выражается в падении вексельных курсов стран с обесцененной валютой, которому на первых порах не соответствует пропорциональное повышение товарных цен. Это усиливает стимулы для вывоза товаров и ослабляет заинтересованность в их ввозе в страну с обесцененной валютой. Таким образом, причиной «протекционистского» действия обесценения валюты является недостаточно быстрое приспособление товарных цен к колебаниям вексельных курсов, вызванным этим обесценением. Однако такое отставание в динамике внутренних цен от динамики вексельных курсов может сохраняться в течение лишь ограниченного времени, так как увеличение экспорта, сопровождающее понижение вексельных курсов, должно в конечном счете улучшить состояние платежного баланса, а значит, и восстановить паритет между внутренними ценами и вексельными курсами. Основываясь на такой логике, Ф. Меньков доказывал, что более сильное падение курса рубля по отношению к английскому фунту стерлингов и французскому франку, чем по отношению к немецкой марке, вовсе не создает для немецких товаров каких-то преимуществ на русском рынке по

* Прочитанное высказывание П. Гензеля повергло в крайнее изумление и Ф. А. Менькова. «Приходится просто руками развести, – писал он, – когда из-под пера профессора-экономиста следуют подобные аргументы. Смеем верить почтенного профессора, что в реальной жизни повсеместное и равномерное увеличение всех цен никогда и нигде не имело места и, вероятно, никогда и нигде не последует. А между тем большинство стран, а некоторые и по несколько раз, испытали обесценение денег».¹⁰ Нетрудно заметить, что Ф. А. Меньков здесь лишь повторяет аргументацию В. Штейна. На обесценение рубля как одну из причин всеобщей дороговизны указывал и учитель В. Штейна проф. М. В. Бернацкий.

сравнению с английскими и французскими товарами, как утверждал, например, А. Л. Рафалович.¹³

Этот вывод Ф. Менькова вызывает возражения со стороны В. Штейна. Последний утверждал, что «приспособление цен к колебаниям вексельных курсов представляется невозможным, а огромное несоответствие между ними, объясняемое чрезвычайно слабой эластичностью цен, не может быть преодолено в короткий срок». Хотя в конечном счете в международной системе цен и вексельных курсов должно установиться равновесие, но пока этого не произошло, указанный дисбаланс неизбежно должен влиять на структуру внешнеторговых отношений различных стран. Иногда, например в случае, указанном А. Л. Рафаловичем,¹⁴ направление этих изменений может быть крайне нежелательным с точки зрения высших стратегических интересов страны. «Поэтому, – заключает В. Штейн, – следует признать искусственное регулирование вексельных курсов путем финансовых соглашений с союзными правительствами, в частности, заключения займов, гораздо более рациональным способом восстановления равновесия, чем стихийное „перерождение“ нашей торговли».¹⁵

Оценивая уже произошедшее за первый год войны обесценение рубля в 25–30% (а не в 42%, как полагал проф. П. П. Мигулин), В. Штейн пишет, что «и этого... более чем достаточно, чтобы призвать наше финансовое ведомство к крайней осторожности в отношении дальнейших эмиссий».¹⁶ Более целесообразно, с его точки зрения, более энергично использовать такие источники финансирования военных расходов, как государственный кредит (даже при некотором ухудшении условий этого кредита) и серьезная налоговая реформа, в частности решительная реорганизация прямого обложения и введение налога на конъюнктурные доходы (последнее могло быть полезно и для ограничения спекуляции на товарных ценах).

Надо сказать, что другие экономисты гораздо более резко, чем В. Штейн, выступали против правительственного курса на все более интенсивное использование эмиссии бумажных денег для финансирования растущих военных расходов. Ф. Меньков, например, писал: «...идя в изыскании источников для покрытия военных расходов по линии наименьшего сопротивления, наше правительство, как, впрочем, и правительства других стран, опять окажется в беспомощном положении ученика волшебника, научившегося у своего учителя вызывать сверхъестественные силы, но не умеющего укрощать их. При современных условиях народного хозяйства процесс обесценения излишне выпущенных и ненужных неразменных бумажных денег будет производиться с курьерской быстротой; для чего при прежних условиях народного хозяйства нужны были целые годы, теперь будет достаточно нескольких месяцев. Если при прежних условиях, при полунатуральном строе хозяйства, последствия обесценения бумажных денег были весьма печальны, то несравненно худшие последствия будут от обесценения при современных условиях народного хозяйства, сверху донизу проникнутого кредитными началами. Чем дальше шагнула страна по пути капиталистического развития, тем дороже обойдется ей обесценение бумажных денег: огонь действует тем разрушительнее, чем больше материалов встречает на своем пути... Наше Отечество от обесценения бумажных денег страдало и больше, и больше, чем какая-либо другая страна. Дорого обошлось это обесценение нашему народному хозяйству. Но, по-видимому, опыт прошлого нас мало чему научил. При изыскании источников покрытия военных расходов бумажные деньги должны быть последним ресурсом. Прибегать к нему следует лишь тогда, когда исчерпаны все другие источники».¹⁷

В августе 1915 г. В. Штейн выдвигает проект создания «платинового» банка. Будучи главным производителем платины (в 1912 г., например, более 95% мировой ее добычи

пришлось на долю России), наша страна потребляла лишь 4–5% добываемого количества, остальное экспортировала. Во время войны вывоз платины был запрещен. Некоторые считали такое решение ошибочным, ссылаясь на то, что экспорт платины мог бы быть использован для улучшения платежного баланса страны.

Не отрицая этой выгоды, В. Штейн указал и на обратную сторону медали. В условиях быстрого спроса на платину, который уже в то время предъявляли электротехника, автомобильная техника, физика и другие отрасли науки, техники и производства, и ограниченности запасов платины в России цены на этот металл непрерывно росли. Поэтому «продавать платину за границу с национальной точки зрения так же рационально, как убивать курицу, несущую золотые яйца», особенно если учесть, что «„потребление” платины не равносильно уничтожению ее». Отсюда В. Штейн делает вывод о необходимости удержания платины в России, единственным же способом такого удержания является, по его мнению, утилизация платины для денежного обращения.

В. Штейн предложил учредить специальный «платиновый» банк, который имел бы право покупать и продавать платину и выпускать разменные банкноты под платиновое обеспечение. Сумма эмиссии при этом не должна была бы превосходить ценность принадлежащей банку платины. Для обеспечения «платиновому» банку возможности размена платиновых банкнот ему должно быть предоставлено право получения в Государст-венном банке ссуд под залог платины. «При таких условиях банк мог бы постепенно стянуть к себе значительный запас платины и утилизировать в свою пользу рост цен на нее».¹⁸

Проект создания «платинового» банка являлся альтернативой проектам казенной монополии на добычу или на продажу этого металла, выдвигавшимся в то время. Всякое казенное производство, в том числе и платины, по мнению В. Штейна, неэффективно. «Рутинные способы казенного хозяйствования и неумение его приспособиться к рынку и его потребностям слишком общеизвестны, чтобы стоило здесь указывать на них». Еще меньше смысла имела бы монополия продажи, ибо продавать этот металл пришлось бы в основном за границу, а на иностранных рынках государство столкнулось бы с жесткой конкуренцией со стороны занимавшего монопольные позиции французского синдиката, а также со стороны контрабандистов, через которых реализовывалась немалая часть добываемой платины. Да и сама по себе задача организации сбыта платины на мировом рынке – чрезвычайно сложная.

«Вместо того чтобы конфисковать в свою пользу предпринимательскую прибыль, которая всегда имеет источником организационное творчество и трудную и сопряженную с риском работу по созданию и развитию предприятий, государство должно использовать интенсивную потребность иностранной промышленности в платине, искусственно ограничивая ее сбыт за границу постоянным приобретением значительной части добываемой платины и, вместе с тем, давая продуктивное назначение в денежной системе накапливающемуся платиновому „стоку”».¹⁹

В сентябре 1915 г. В. Штейн включается в полемику по вопросу о целесообразности проектировавшейся в то время чековой реформы. Сторонники этой реформы исходили из того, что создание прочного юридического базиса для чекового обращения приведет к постепенному вытеснению золота из обращения и накоплению новых его запасов в руках Государственного банка, что даст ему возможность использовать часть золотого фонда для иностранных платежей. Эта схема, однако, не учитывала российских реальностей того времени, на что и обратил внимание В. Штейн.

Признавая, что «чековая реформа построена на теоретически вполне правильных принципах», он в то же время доказывал, что в условиях отсутствия у российского

населения укоренившейся привычки держать все наличные деньги в банках и вместе с тем в условиях перенасыщения за первый год войны торгово-промышленного оборота кредитными билетами рассчитывать на большой успех чековой реформы не приходится. «В военное время, когда весь торгово-промышленный оборот сжимается под влиянием неустойчивости и непрочности экономического положения, чековое обращение вообще не может получить большого распространения. За кредитным билетом стоит как-никак авторитет государства, готовность же принять в уплату долга чек всегда определяется прочностью и солидностью того кредитного учреждения, которое должно его оплатить. Между тем в тревожное время даже могущественнейший банк не может похвастаться абсолютным доверием населения... Тем большее недоверие должен встретить чек у нас, в широкой публике, которая не привыкла к новому денежному суррогату и вряд ли будет склонна принимать его в платежи, когда события военного времени, породившие в области денежного обращения темные, уродливые явления, поколебали доверие даже к привычным, прочно усвоенным оборотом, денежным знакам».²⁰

В ходе Первой мировой войны, когда все более очевидным становилось, что одним из важнейших ее результатов будет глубокое изменение геополитического равновесия в Европе и во всем мире, задача организации новой структуры международных экономических и политических отношений все более выдвигалась на первый план. В рамках дискуссий по этой теме обсуждались, в частности, с одной стороны, вопрос о возможности и целесообразности образования новых таможенных союзов, а с другой – проблема распада старых торгово-политических блоков. По мнению В. Штейна, подобная перестройка таможенных союзов вполне возможна, но сопряжена с огромными трудностями, вытекающими как из объективных противоречий торгово-политических интересов различных европейских государств, так и из опасности тяжелого экономического кризиса, который мог бы быть спровоцирован наделением торгово-политической самостоятельностью таких стран, как Венгрия и Польша, которые ранее такой самостоятельностью не обладали. В этих условиях лишь очевидная политическая необходимость подобного изменения таможенных границ может сделать реальным такое изменение.²¹

Уже в 1916 г. некоторые экономисты разрабатывали проекты организации денежного обращения в России в послевоенный период. При этом одним из центральных был вопрос о возможности избежать девальвации рубля. В одной из своих статей В. Штейн подробно разбирает аргументацию Каценеленбаума, который дал положительный ответ на этот вопрос. В. Штейн указал, прежде всего, на нереальность создания в первые послевоенные годы предпосылок, которые сам Каценеленбаум считал необходимыми для восстановления довоенного обмена кредитных билетов на золото без всякой девальвации: благоприятное политическое положение страны; «реализация эффективной программы развития производительных сил»; благоприятный торговый баланс; финансовая поддержка союзников; увеличение налогов. Далее он отметил, что Каценеленбаум, с одной стороны, недооценивает масштабы бумажно-денежной эмиссии, к которой придется прибегнуть до окончания войны, а с другой – переоценивает возможности государства мобилизовать посредством внутренних займов необходимые для консолидации кредитных билетов денежные средства. Анализ приводит В. Штейна к выводу о неизбежности девальвации рубля и опасности попыток восстановления довоенной денежной единицы. «Народное хозяйство пережило и переживает тяжелый и болезненный процесс бумажно-денежной инфляции и растущей дороговизны. Процесс этот обогатил одних, разорил других, совершенно перестроил систему цен и доходов. Нельзя же мечтать о том, чтобы теперь

заставить народное хозяйство пережить этот процесс, со всеми сопутствующими ему грубыми нарушениями социальной справедливости, в обратном направлении».²²

К сожалению, «мечтатели» такого типа не перевелись в России и в 1990-е годы. Об этом свидетельствует печальный опыт реализации рестриктивной денежной политики в настоящий период. Колоссальное разрушение производительных сил и обострение социальной обстановки в стране, в немалой степени явившиеся ее следствием, подтверждают, насколько прав был В. Штейн, предупреждая об опасности подобного курса денежной политики для страны, переживающей острый экономический и политический кризис.

Затягивание войны вновь и вновь заставляло правительство прибегать к помощи печатного станка для финансирования новых гигантских расходов. В конце концов министр финансов предложил изменить эмиссионный закон. Суть этого изменения состояла в том, чтобы Государственная Дума разрешила покрывать кредитные билеты краткосрочными обязательствами государственного казначейства. Поскольку фактически речь шла о предоставлении правительству права бесконтрольной эмиссии, Дума отвергла этот проект. Однако в думских прениях были выдвинуты некоторые принципы денежного регулирования, которые, по мнению В. Штейна, явились результатом ложно понятой идеи «сбережения» и могли лишь нанести вред денежной системе.

В. Штейн имел в виду прежде всего идею фиксирования минимального золотого фонда, обеспечивающего кредитные билеты в сумме 1,5 млрд руб. «Глубоким заблуждением, – писал он, – представляется самая мысль о том, что правильное функционирование золотой валюты стоит в тесной зависимости от золотого запаса. Важен не золотой запас, а активный расчетный баланс – приходится повторять этот трюизм... страны с небольшими золотыми запасами, но с активным расчетным балансом имеют прочную золотую валюту. Наоборот, большой золотой фонд не спас нас от обесценения рубля на иностранных рынках, когда наш расчетный баланс сделался резко пассивным».²³

Нереальным считает В. Штейн и требование Думы, чтобы не позднее года после ратификации мирного договора правительство выдвинуло законопроект о восстановлении золотой валюты. «Многолетняя история нашего бумажно-денежного обращения показывает, как колеблется из года в год, под влиянием перемен в положении государственного хозяйства и в балансе внешней торговли, курс рубля. Поэтому установить степень действительного обесценения валюты можно лишь по истечении продолжительного периода. Это утверждение должно оказаться вдвойне справедливым в отношении первых лет по окончании войны. Наше народное хозяйство пережило слишком глубокий переворот, чтобы немедленно по восстановлении мира оно могло войти в нормальную колею... Нужно ли напоминать, что преждевременные попытки восстановления размена всегда кончались неудачей и дискредитировали самую идею валютной реформы».²⁴

Сугубо отрицательно относится В. Штейн и к предложению А. И. Шингарева допустить покрытие части кредитных билетов на сумму в 2,5 млрд руб. «документами на золото, а также кредитом на золото, предоставленным русскому правительству иностранными государствами». «Мы знаем, – пишет он, – что это за кредиты: от наших союзников мы не получаем не только золота, но и вообще денег. Они платят по нашим заказам, и „кредиты“ реализуются, в конце концов, в станки, предметы боевого снаряжения и т. д. Трудно придумать более неудачное покрытие для кредитных билетов».²⁵

Единственно правильным решением эмиссионного вопроса В. Штейн считал законодательное установление максимального предела эмиссии.

Систематические инъекции все новых и новых масс бумажных денег в экономику страны сопровождалась увеличением сбережений. К осени 1916 г. выявилась тенденция

использования все более значительной части этих сбережений для частной эмиссионной деятельности. Ряд органов печати, в частности журнал «Новый экономист» и газеты «День» и «Новое время», расценили эту тенденцию как весьма опасную с точки зрения общенациональных интересов, поскольку свободные денежные средства, которые могли бы быть использованы для военных займов, в действительности побуждаемые стремлением к наивысшей прибыли, шли совсем в другом направлении. Отсюда делался вывод о необходимости ограничения учредительской деятельности.

В. Штейн подвергает критике эту позицию. Он считает, что мобилизация свободных денежных средств для образования и развития новых предприятий производственного сектора способствует развитию производительных сил, что имеет исключительное значение для будущего страны. «Все увеличивающиеся в количестве свободные капиталы должны же найти себе какое-нибудь применение. Если закрыть им доступ к производительной деятельности, они в значительной своей части получают назначение еще менее желательное с точки зрения государственных интересов: их владельцы предпочтут либо поместить их в торговлю, поместив их в товарные запасы, непрестанно растущие в цене, либо даже попросту растратить их, наперерыв гоняясь за предметами роскоши и вздувая цены на потребляемые ими товары. Нельзя же запретить капиталу избирать себе какое-либо иное помещение, кроме военных займов. А если даже решиться на проведение столь сурового принципа в жизнь, то гораздо рациональнее перейти открыто к заключению принудительных займов. В сущности говоря, преграждение капиталу всех иных путей, кроме закупки облигаций военных займов, и представляет в скрытой форме принудительный заем».²⁶ В. Штейн категорически выступает против такой формы государственного вмешательства в рыночные отношения, хотя в условиях развертывавшегося масштабного кризиса военной экономики такой контроль становился все более неотложной необходимостью. Здесь он выступал как идеолог крупной буржуазии, не желавшей идти на слишком большие жертвы и в конечном счете потерявшей все.

Одна из статей В. Штейна посвящена вопросу о стоимости войны. Автор выделяет людские потери и потери реального капитала в ходе войны. Принципиально возражая против возможности денежной оценки людских потерь, он делает очень любопытное замечание, проливающее свет на глубокое различие экономической и этической оценок одних и тех же явлений. Отмечая, что показателем богатства является не общий, а средний доход на душу населения, он далее обращает внимание на то, что такой доход (значит, и богатство) в принципе может быть увеличен, в частности, путем сокращения населения при неизменном количестве капитала. «Это показывает, – пишет он, – до какой степени могут иногда расходиться экономическая и этическая оценки событий».²⁷

Отмечая, что «война ведет к огромному физическому ослаблению человечества, к усилению дегенеративных за счет здоровых элементов», что, впрочем, может маскироваться техническим прогрессом, В. Штейн утверждал, что это обстоятельство делает чрезвычайно актуальными «проблемы „евгеники“, т. е. систематического улучшения человеческой расы».²⁸ Разработке этих проблем В. Штейн уделяет большое внимание в одесский период творческой деятельности. В статье разбираются соображения К. Викселя, доказывавшего, что негативные последствия уничтожения капитала в период войны в полной мере могут проявиться лишь в послевоенный период, а также теория индивидуальной экономии А. Г. Пигу. В ходе этого критического анализа В. Штейн подчеркивал, что «самым главным условием быстрого восстановления разрушенных войной хозяйственных форм является сохранение или увеличение прежней производительности основными отраслями добывающей и обрабатывающей промышленности».²⁹

В. Штейн, как и его учитель М. В. Бернацкий, был сторонником золотого стандарта. Он верил, что подрыв свободного размена бумажных денег на золото, явившийся результатом войны и вызванного ею острого экономического кризиса, – временное явление. Все же «в переходный период, который обещает быть достаточно длительным» в связи с ростом товарного дефицита золото должно потерять часть своей ценности. Поэтому обладателям крупных золотых запасов – эмиссионным банкам – было бы неразумно ждать, пока ценность золота упадет до минимума. Им «следовало бы воспользоваться сравнительно еще благоприятной конъюнктурой для золота и протолкнуть часть своего золота на мировой рынок». ³⁰ При этом реализацию золота на мировых рынках «следует рассрочить во времени так, чтобы поступающее на рынок золото не давило на цены. Желательно приступить к этой реализации раньше, чем появятся на рынке другие продавцы желтого металла». ³¹ В то же время политика сохранения золотого запаса в неприкосновенности, которую проводила, в частности, Государственная Дума, является в указанной обстановке другой, не менее опасной крайностью.

Катастрофическое расстройство международных торгово-экономических отношений в годы войны будет вынуждать страны, участвовавшие в Первой мировой войне, вывозить золото и после войны. Этот путь неизбежен в особенности для России: «Пока мы бедны, пока мы в неоплатном долгу перед другими странами, мы не можем поддерживать свой золотой фонд в прежнем размере. Когда нам удастся вновь придать нашей внешней торговле благоприятный характер, можно будет снова подумать о привлечении золота в страну». ³²

Один из практических выводов, вытекавших из такого понимания вопроса об изменении роли золота в денежном обращении, состоял в том, что поддержка ведущей страны союзнической коалиции – Англии – в ее огромных усилиях, направленных на финансовое обеспечение продолжения войны «посредством подкрепления, по мере надобности, золотых запасов Английского Банка, является нашим прямым долгом». ³³ Соответственно В. Штейн считает неправильной акцией фиксирование Государственной Думой минимального размера золотого фонда. Он полагает, что «нашу политику бережения золотого фонда не мешало бы вообще пересмотреть...» ³⁴

Другой важный вывод состоял в указании на неизбежность полного перераспределения мирового запаса золота в ближайшие годы и концентрации основной части мировых запасов золота в США. ³⁵

В обсуждении вопроса о характере предстоящей сразу после окончания Первой мировой войны денежной реформы принял участие М. И. Туган-Барановский. В своей работе «Бумажные деньги и металл», изданной в Петрограде в 1917 г., он доказывал, что, поскольку во время войны в силу определенных причин подъем цен отставал от роста бумажно-денежного обращения, сразу же после войны, если не предусмотреть защитных мер, следует ожидать резкого повышения цен и соответствующего обесценения рубля, а это имело бы катастрофические последствия для экономики страны. Важнейшая защитная мера, предложенная М. И. Туган-Барановским, – изъятие сразу после войны значительной части кредитных билетов путем займа.

В. Штейн разбирает основные аргументы М. И. Туган-Барановского, выдвинутые им в обоснование сделанных выводов. Он указывает на теоретическую и эмпирическую недоказанность тезиса об отставании уровня цен от увеличения бумажно-денежного обращения; на неубедительность объяснения М. И. Туган-Барановским такого отставания, если бы даже оно и имело место; на неспособность его теории объяснить хронический рост цен во время войны в случае неизменного спроса; на неосновательность его вывода о неизбежности крутого подъема цен после окончания войны и на неубедительность

исторических прецедентов, приводимых М. И. Туган-Барановским для обоснования этого вывода; на значительную переоценку М. И. Туган-Барановским значения кредитного обращения для России. «Таким образом, – заключает В. Штейн, – утверждение М. И. Туган-Барановского о предстоящем после войны усиленном росте цен едва ли может быть признано правильным. А если так, то и предположение его о крайней необходимости извлечения из денежного оборота кредитных билетов на сумму в 5–6 миллиардов рублей для предотвращения народнохозяйственной катастрофы оказывается недостаточно обоснованным. Скорее наоборот: обилие денежных знаков в обороте и легальность получения кредита облегчит тяжелый переход промышленности к мирному состоянию, даст промышленности возможность без особых жертв приспособиться к изменению характера спроса. Наоборот, при дороговизне кредита такой переход едва ли может совершиться без серьезных потрясений. Мы не говорим уже о невероятных финансовых трудностях заключения такого огромного займа на другой день после войны, при предстоящем вздорожании капиталов, при отсутствии средств на удовлетворение первейших государственных потребностей, при бюджетном дефиците. И при таких условиях министру финансов предлагается заключать займы с целью поддержания курса валюты и повышения, таким образом, удельного веса разросшихся до колоссальных размеров государственных долгов и уплачиваемых по ним процентов».³⁶

В. Штейн выступил и против предложений М. И. Туган-Барановского, направленных на усиление государственного регулирования вексельных курсов с целью укрепления позиций рубля на мировом рынке. «В целом, – пишет он, – программа денежной реформы, предложенная проф. Туган-Барановским, напоминает о приемах лечения тех врачей, которые рекомендуют неимущим больным долговременный отдых, заграничные поездки и т. д. Конечно, на бумаге нетрудно заключить заем в 5–6 миллиардов для консолидации бумажных денег или закупить для целей регулирования курса рубля большие запасы иностранной валюты. Возможно, эта рациональная политика денежного обращения и не может прописать никаких иных рецептов. Но в таком случае больному остается поблагодарить врачей за добрые советы и ждать восстановления своего здоровья не от человеческого искусства, а от великой целительной силы природы. Залечатся постепенно раны, нанесенные войной, восстановятся производительные силы, будет вновь достигнуто нарушенное равновесие между ввозом и вывозом, вместе с вывозом появится большое предложение иностранной валюты, и тогда можно будет говорить о придании денежной единице устойчивости».³⁷

Задача экономического возрождения России после Первой мировой войны в ходе этой войны все в большей мере выдвигалась в центр внимания русских экономистов. Решение этой задачи предполагало, в частности, создание мощного и конкурентоспособного национального торгового флота. В одной из статей В. Штейн рассматривает эту проблему.

Используя богатый фактический материал, он показывает, что почти вся российская внешняя торговля обслуживается иностранными судами. Так, за период с 1901 по 1911 г. доля участия России в мировом торговом флоте сохранялась на более чем скромном уровне в 2,3%, далеко отставая по скорости увеличения тоннажа от Японии, Голландии, Норвегии. Соответственно перед войной России приходилось платить 100–125 млн руб. фрахтовых платежей, которые тяжелым бременем ложились на платежный баланс страны. За время войны эта сумма увеличилась до 300 и более миллионов руб. в связи: во-первых, с увеличением доли морской торговли в общем товарообороте России, что было обусловлено прекращением торговли с Германией и ее союзниками; во-вторых, с неслыханным ростом фрахтовых ставок в годы войны; в-третьих, с обесценением российской валюты по отношению к английской и американской. «Ежегодная уплата 300–400 млн руб. за границу

соответствует платежам по иностранному долгу в 6–7 млрд руб. А на эту сумму мы могли бы выстроить торговый флот, которого было бы вполне достаточно для обслуживания нашего морского товарооборота».³⁸

После войны положение в этой сфере не сможет улучшиться, так как общий спрос на тоннаж, в особенности спрос России (в связи с малоценностью ее экспорта), должен повыситься, а его предложение, если экстраполировать на послевоенный период довоенные темпы его роста, не сможет увеличиваться достаточно быстро. «Необходимость уплаты повышенных фрахтовых ставок делает проблематичными наши расчеты на выгодное использование своего сырья после войны». Соответственно «вопрос о развитии национального торгового флота является поэтому одним из насущнейших...»³⁹

Для успешного решения этой проблемы, по мнению В. Штейна, необходимо: 1) проведение целенаправленной государственной политики на поощрение торгового судостроения; 2) понижение фрахтовых ставок для России на основе соглашений с союзными державами, которые вместе с США контролировали свыше 70% мирового тоннажа; 3) в долгосрочном плане увеличение ценности экспорта в расчете на единицу веса. «...Такова программа, осуществление которой обещает создать нашей морской торговле сколько-нибудь сносные условия существования, – заключает В. Штейн. – Необходимо настойчиво и со всей возможной энергией проводить ее в жизнь, чтобы сократить до минимума дань, уплачиваемую нами иностранным государствам».⁴⁰

Первая мировая война, как известно, привела к резкому изменению соотношения сил в мировой экономике в пользу США, которые не участвовали в войне. Уже в годы войны исследователи разных стран начали анализировать этот процесс. Одну из своих статей посвятил этой проблеме и В. Штейн. Он отметил, в частности, что в ходе войны США постепенно превращались из должника в кредитора европейских стран, завоевывали ведущие позиции во внешней торговле. Война создала предпосылки для перемещения мирового финансового центра из Лондона в Нью-Йорк. «Таким образом, не приходится сомневаться в том, что великая заатлантическая республика достаточно прочно стала в экономическом отношении на свои ноги и что ее притязания на „мировую гегемонию“ совсем не беспочвенны. Соединенные Штаты могут осуществить свою вскормленную европейскими деньгами империалистическую мечту. Но нужно ли им это?»⁴¹ Этот вопрос сводится автором к вопросу о том, заинтересованы ли США в дальнейшем увеличении экспорта товаров. По мнению В. Штейна, «теперь, освободившись от иностранной задолженности, Соединенные Штаты должны помышлять не о расширении, а о сокращении вывоза сравнительно с мирным даже временем. Интенсивная работа для экспорта приведет лишь к крайней дороговизне материалов и рабочих рук внутри страны. Не правильнее ли думать об увеличении емкости внутреннего потребительского рынка, о снабжении отечественного потребителя дешевым продуктом?»⁴² Этот вывод оказался правильным в отношении Германии, но несколько односторонним в отношении США, так как внешнеторговая экспансия США в действительности продолжалась не только после Первой, но и после Второй мировой войны.

С тревогой наблюдал В. Штейн, как по мере обострения экономического кризиса в ходе войны усиливается вмешательство государства в экономику страны. В сентябре 1916 г. он отмечал: «С разных сторон экономическая мысль наших дней подходит к проблеме „рационализации“ экономической жизни, сознательного регулирования и управления народным хозяйством из единого центра. Начинается поворот в сторону государственного социализма, осуществляемого путем непосредственной экономической деятельности государства. В применении к эмиссионным банкам это государственно-социалистическое течение выражается в выдвинутом Пленге лозунге – от учетной политики к господству над

денежным рынком».⁴³ Ставя вопрос о соотношении государственного и рыночного регулирования в банковском деле, он предостерегал против переоценки возможностей государства. Государственно-социалистическое течение, писал он, «едва ли... отражает существо новейшей эволюции в банковском деле... Государство, по-видимому, не сможет одними своими силами направить ход народного хозяйства. Если может идти речь о господстве над денежным рынком, то органом такого управления народным хозяйством следует признать сложную систему частных банков во главе с эмиссионным».⁴⁴

¹ Объединенный архив С.-Петербургского государственного университета. Ф.1. Оп. О/К 1949–1950. Св. 100. Д. 1150. Лл. 1, 4–5, 14, 38. См. также: Каганович Б.С. В.М.Штейн – экономист и историк. // Исторические записки. Вып. 5 (123). Отв. ред. Б.В.Ананьич. Отд-ние историко-филологических наук РАН. М., 2002. С. 166-215; Дмитриев А.Л. В.М.Штейн и петроградские журналы «Экономист» и «Экономическое возрождение». // Смыслы географии (экономические, социальные и политические аспекты). Ред. коллегия – Ю.Н.Гладкий и др. СПб. 2002. С. 190-197; Дмитриев А.Л. Штрихи к биографии В.М.Штейна.// Вклад ленинградских-петербургских ученых в развитие экономической науки. СПб., 2003.С. 197–201.

² Ш т е й н В. Рецензия на: Fisher I. The purchasing power of money. New York, 1912 // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1912. 2 дек. № 49. С. 419.

³ Там же. С. 421.

⁴ Вопросы денежного обращения. Пг., 1914. С. IV.

⁵ См., напр.: Расширение эмиссионного права Государственного банка // Торгово-промышленная газета. 1915. 20 марта.

⁶ См., напр.: Гензель П. К вопросу об обесценении русской валюты //Русские Ведомости. № 155. 1915. 7 июля. С. 5. Т у г а н - Б а р а н о в с к и й М. И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 29, 286–294.

⁷ Гензель П. Указ. соч.

⁸ Ш т е й н В. Обесценение нашей валюты // Промышленность и торговля. 1915. № 13–14. С. 9.

⁹ Гензель П. Указ. соч. С. 9. – К аналогичным выводам приходили М. И. Боголепов и др.

¹⁰ М е н ь к о в Ф е д. Инфляция бумажно-денежного обращения и меры борьбы с нею. II. Обесценение бумажного рубля // Новый экономист. 1915. 5 сент. № 36. С. 9; Б е р н а ц к и й М. Состояние нашего денежного обращения // Промышленность и торговля. 1915. № 23. С. 352.

¹¹ Ш т е й н В. Обесценение нашей валюты. С. 9.

¹² М е н ь к о в Ф е д. Инфляция бумажно-денежного обращения и меры борьбы с нею. III. Стрoение вексельных курсов при обесцененной валюте // Новый экономист. 1915. 19 сент. № 38. С. 6.

¹³ М е н ь к о в Ф е д. Там же. С. 8.

¹⁴ См.: Р а ф а л о в и ч А. Л. О вздорожании иностранной валюты // Промышленность и торговля. 1915. № 12. С. 613–616.

¹⁵ Ш т е й н В. К вопросу о влиянии бумажной валюты на внешнюю торговлю // Промышленность и торговля. 1915. № 24. С. 389.

¹⁶ Ш т е й н В. Обесценение нашей валюты. С. 10.

¹⁷ М е н ь к о в Ф е д. Инфляция бумажно-денежного обращения и меры борьбы с нею. I // Новый экономист. 1915. № 35. С. 6–7.

¹⁸ Ш т е й н В. Платиновая промышленность и проект платиновой монополии // Промышленность и торговля. 1915. № 19. С. 212.

¹⁹ Там же. С. 213.

²⁰ Ш т е й н В. Конкуренция чека и банкноты // Промышленность и торговля. 1915. № 20. С. 240.

²¹ Ш т е й н В. Проекты создания новых таможенных областей // Промышленность и торговля. 1916. № 6. С. 151–154.

²² Ш т е й н В. План урегулирования нашего денежного обращения // Промышленность и торговля. 1916. № 19. С. 548.

²³ Ш т е й н В. Государственная Дума и расширение эмиссионного права // Промышленность и торговля. 1916. № 24–25. С. 672.

²⁴ Там же. С. 672–673.

²⁵ Там же. С. 673.

- ²⁶ Ш т е й н В. Нужно ли бороться с усилением частной эмиссионной деятельности? // *Промышленность и торговля*. 1916. № 34–35. С. 163.
- ²⁷ Ш т е й н В. К вопросу о стоимости войны // *Промышленность и торговля*. 1916. № 40. С.253.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же. С. 254.
- ³⁰ Ш т е й н В. Перераспределение мировых запасов золота // *Промышленность и торговля*. 1916. № 47. С. 438.
- ³¹ Там же. С. 439.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 438.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 439.
- ³⁶ Ш т е й н В. К вопросу о денежной реформе // *Промышленность и торговля*. 1917. № 2. С. 36.
- ³⁷ Там же. С. 90.
- ³⁸ П.П.Н. К вопросу об освобождении нашего морского транспорта от иностранной зависимости // *Промышленность и торговля*. 1917. № 6. С. 137. П.П.Н. – псевдоним В. М. Штейна. См.: *Объединенный Архив С.-Петербургского государственного университета*. Ф. 1. Оп. О/К 1949-1950. Св.100. Д. 1150. Л. 30.
- ³⁹ Там же. С. 136.
- ⁴⁰ Там же. С. 137.
- ⁴¹ Ш т е й н В. Экономическое будущее Соединенных Штатов // *Промышленность и торговля*. 1916. № 28–29. С. 62.
- ⁴² Там же. С. 62–63.
- ⁴³ Ш т е й н В. Рецензия на: Helander S. Theorie und Politik der Zentralnotenbanken in ihrer Entwicklung. Erste Haelfte. Theorie der Zentralisationim Notenbankwesen. Iena, 1916; С и л и н Н. Австро-венгерский банк. Исследование по вопросу об отношениях между центральным эмиссионным банком и государством. М., 1913 // *Русская мысль*. 1916. Кн. IX. С. 9–10.
- ⁴⁴ Там же. С. 10–11.

Статья поступила в редакцию 24 марта 2005 г.